

ISSN 2500-0934

ДИНАМИКА ЯЗЫКОВЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Вып. 6.

Материалы VI Конгресса РОПРЯЛ
(г. Уфа, 11–14 октября 2018 года)

Санкт-Петербург
2018

УДК [811.161.1: 821.161.1:37.02](063)
ББК 81.2Рус

**ПРОЕКТ РЕАЛИЗОВАН ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
ФОНДА «РУССКИЙ МИР»
И ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН**

Рецензенты:

Абрамов В. П. (*КубГУ*),
Дроздова О. Е. (*МПУ*),
Голубев С. Н. (*Центр «Златоуст»*),
Григорьева Т. В. (*БашГУ*),
Кузнецов С. А. (*СПбГУ*),
Лысакова И. П. (*РГПУ им. А. И. Герцена*),
Мухаметшина Р. Ф. (*КФУ*),
Родионов В. В. (*Воронежский гос. ун-т*),
Рогова К. А. (*СПбГУ*),
Салимова Л. М. (*БашГУ*),
Степаненко В. А. (*МГУ*),
Шаклеин В. М. (*РУДН*),
Шульженко В. И. (*Пятигорский гос. лингв. ун-т*).

Редакционная коллегия:

Вербицкая Л. А. (*РАО, СПбГУ, РОПРЯЛ, МАПРЯЛ*),
Боженкова Н. А. (*Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина*)
Буре Н. А. (*СПбГУ*),
Вяткина С. В. (*СПбГУ*),
Климова В. Н. (*Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина*),
Клушина Н. И. (*МГУ*),
Степанов А. Д. (*СПбГУ*),
Федотова Н. Л. (*СПбГУ*),
Шишков М. С. (*ШУИЯ*),
Юсупова З. Ф. (*КФУ*),
Ямалетдинова А. М. (*БашГУ*).

Д 46 **Динамика языковых и культурных процессов в современной России** [Электронный ресурс]. — Вып. 6. Материалы VI Конгресса РОПРЯЛ (г. Уфа, 11–14 октября 2018 года). — СПб.: РОПРЯЛ, 2018. — 1 электрон. опт. диск (CD-R).

ISSN 2500-0934
ISBN 978-5-9500626-5-0

Сборник включает тексты докладов и сообщений участников VI Конгресса РОПРЯЛ (г. Уфа, 11–14 октября 2018 года), посвященных актуальным аспектам исследования русского языка и литературы. Особое внимание уделяется новым тенденциям в описании русского языка, вопросам взаимодействия русского языка и языков народов России, проблемам обучения русскому языку как родному, неродному и иностранному, а также рассмотрению места русской литературы в современном мире.

Издание предназначено для сотрудников образовательных и научно-исследовательских учреждений Российской Федерации, а также для широкого круга читателей, чья профессиональная и общественная деятельность связана с русским языком и русской культурой.

ISSN 2500-0934
ISBN 978-5-9500626-5-0

© РОПРЯЛ, 2018
© Коллектив авторов, 2018

Ефремов Валерий Анатольевич

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена

valef@mail.ru

УГРОЗА В НАИВНОЙ И ЮРИДИЧЕСКОЙ КАРТИНАХ МИРА

Статья посвящена реконструкции понятия *угроза* в русской наивной и юридической картинах мира по данным юридических документов и лексикографических источников. В результате проведенного анализа эксплицируются наивные представления носителей языка об угрозе, а также обнаруживаются зоны пересечения и зоны несовпадения наивной и профессиональной (юридической) картин мира.

Ключевые слова: угроза; наивная картина мира; юридическая картина мира; профессиональная картина мира; лексикографический анализ.

Актуальность обращения к угрозе в ракурсе ее концептуализации в юридической и наивной картинах мира обусловлено как минимум двумя причинами: во-первых, с часто встречающейся при юрислингвистическом консультировании контаминацией в обыденном языковом сознании семантики лексемы *угроза* в юридическом и обиходно-бытовом значении; во-вторых, с рядом собственно лингвоэкспертных проблем описания речевого акта угрозы. Одновременно обращение к данному вопросу позволяет затронуть такие проблемы современной лингвистики, как разграничение терминологического и нетерминологического в семантике слова, взаимопроникновение наивной и профессиональной картины мира, взаимодействие языковых и научных знаний.

В настоящей работе юридическая картина мира рассматривается как частная разновидность профессиональной картины мира. Соответственно *угроза*, относящаяся как к наивной, так и к юридической картине мира, рассмотрена сначала как термин, функционирующий в юридической практике, затем — как элемент лингвоэкспертных исследований (в совокупности это и дает представление о данном фрагменте профессиональной картины мира) и — в последней части — как элемент наивной картины мира.

Угроза в юридической картине мира. Юридический термин «угроза» используется прежде всего в уголовном праве, где он имеет следующее значение: «...выражение словесно, письменно или другим способом намерения нанести физический, материальный или иной вред какому-либо лицу или общественным интересам; один из видов психологического насилия над человеком (способ пытки)»¹.

Исследование выполнено при поддержке Funds of VolkswagenStiftung (Germany) в рамках проекта «Aggression and Argumentation: Discourses of Conflict and Their Linguistic Negotiation»

Угроза как разновидность агрессии неоднократно упомянута в уголовном кодексе и входит в состав нескольких преступлений: она может выступать как способ подстрекательства или доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ); преступники могут ею пользоваться для вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ); с ее помощью совершаются вымогательство (ст. 163 УК РФ) и незаконное получение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ).

Угроза применения насилия может являться квалифицирующим признаком ряда составов преступлений. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью представляет собой самостоятельный состав преступления (ст. 119 УК РФ). В трудовом праве наличие угрозы входит в состав понятия принудительного труда. Наличие или отсутствие угрозы способно отягчать и смягчать (вплоть до исключения преступности деяния, ст. 40 УК РФ) наказание.

В соответствии с комментариями к УК РФ ответственность за угрозу наступает в случае, если у потерпевшего имелись основания опасаться осуществления угрозы (ср.: *Я тебя в порошок сотру!*), однако, безусловно, в такого рода преступлениях важную роль играет субъективный фактор. Именно поэтому, оценивая реальность осуществления угрозы, юрист учитывает все обстоятельства дела: ситуацию общения, обстановку преступления, роли коммуникантов, взаимоотношения виновного и потерпевшего и т. п. И вот именно в этой части анализа ситуации угрозы, как представляется, и юристу, и участникам дела, и лингвоэксперту необходимо четко осознавать различия между угрозой в юридическом и обиходном значении слова. Подобное осознание различий между одноименными фрагментами профессиональной и наивной картин мира поможет более правильному пониманию конфликтной ситуации и выработке стратегий ее разрешения.

Угроза: лингвоэкспертная точка зрения. Проблема речевого акта угрозы относительно недавно начала разрабатываться экспертами-филологами, однако становится очевидно, что формулы речевых актов угрозы, эксплицированные учеными и являющиеся неким эталоном-схемой, пока не позволяют раскрыть все возможные варианты, в которых трансформируется данный речевой акт в практике живой коммуникации.

В современных пособиях по лингвоэкспертизе структуру речевого акта угрозы обычно представляют следующим образом.

1. *Участники.* Агрессор — тот, кто высказывает угрозу. Жертва — тот, в отношении которого высказывается угроза. Факультативно может вводиться третье лицо (например, в качестве канала передачи информации).
2. *Условие успешности.* Жертва не желает наступления негативных состояний.
3. *Условие искренности.* Агрессор произносит высказывание с целью побудить Жертву к совершению определенных действий².

Известный специалист в области лингвистической экспертизы А. Н. Баранов разделяет речевой акт угрозы на два основных типа.

1. «Угрозы-наказания реализуются в ситуациях, когда адресат сделал нечто нежелательное для говорящего и говорящий предупреждает адресата о наказании, которое в скором времени за это последует».
2. «Угрозы-предупреждения используются в таких случаях, когда говорящий понимает, что слушающий может совершить нечто нежелательное для говорящего (или связанных с ним лиц) и пытается предотвратить это»³.

Сложность лингвоюридического описания и собственно квалификации угроз состоит еще и в том, что этот речевой акт говорящий зачастую старается замаскировать. Например, угроза способна нейтрализоваться и совпасть с речевым актом предостережения, к которому относятся речевые акты совета, рекомендации, собственно обещания.

Важно еще раз подчеркнуть, что с лингвоэкспертной точки зрения субъект угрозы должен обладать возможностью осуществления акта угрозы, то есть отношения между субъектом и объектом должны быть иерархическими. Подобное профессиональное семантическое наполнение термина *угроза*, безусловно, является более узким по отношению к общезыковой одноименной лексеме.

Итак, в профессиональной картине мира угроза представляет собой либо отдельное, самостоятельное преступление, либо элемент или средство иных правонарушений.

Угроза в наивной картине мира. В наивной картине мира угроза репрезентирована прежде всего одноименным полисемантом:

УГРОЗА 1. Обещание причинить какое-л. зло, неприятность. *Постоянная, явная, открытая у. У. уйти из дома. У. со стороны кого-л. В словах содержалась у. Не обращать внимания на угрозы. Сказать что-л. с угрозой.* **2.** Возможность, опасность какого-л. бедствия, несчастья, неприятного события. *Военная у. У. наводнения. Быть под угрозой срыва. У. разоблачения. Ослабить угрозу нападения. Существует угроза теплового эффекта. Что-л. представляет угрозу для людей.* **3.** Тот, кто (то, что) может причинить зло, неприятность. *Кто-л. является угрозой всего класса. Лицица представляет постоянно угрозу мелким животным. Рецидивист — это у. для общества*⁴ (БТСРЯ).

Иными словами, концептуализация угрозы в наивной картине мира осуществляется по трем векторам: 1) угроза как речевой акт; 2) угроза как бедствие, опасность; 3) угроза как субъект агрессии.

Интересно, что психолингвистические данные явно демонстрируют взаимодействие наивной и юридической картин мира в языковом сознании современника:

УГРОЗА: *опасность, страх 9; жизни 8; нападения 4; мира, миру, сильная 3; война, войны, враг, жизнь, общество, пистолет, смерти, убийства, шантаж 2; бить, близко, болезни, большая, боязнь, взрыва, вонючий, выкидыша, гроза, грозный, гром, жертва, защита, молния, наехал, налета, нападение, насильник, нации, ненависть, обществу, опасности, от тигра, падения, по телефону, пожары, преступление, прошла, пытки, радость, расправа, рьяная, рэкет, с за-*

пада, сказана, слева, смех, срыв, страшная, строгость, существование, товарищу, уголовный, человеку, ядерная 1; 103+61+1+45⁵.

На основе количественного анализа результатов ассоциативного эксперимента можно предположить, что наиболее актуальной для наивной картины мира становится второе значение *угрозы* — ‘бедствие; опасность’. Главным свидетельством этого служит наиболее частая реакция *опасность*, вербализующая архисему второго значения и находящаяся в теснейшей синонимической связи с ним. Нельзя не отметить и то, что в наивном языковом сознании некоторые реакции (например, *гроза*, *грозный* и (опосредованно) *гром*, *молния*) напрямую эксплицируют этимологические связи слова.

Такие реакции, как *нападения*, *убийства*, *бить*, *жертва*, *наехал*, *надета*, *нападение*, *обществу*, *по телефону*, *преступление*, *пытка*, *расправа*, *сказана*, *товарищу*, *уголовный*, *человеку*, в определенной степени отражают юридическую картину мира (например, реакции *нападения*, *убийства*, *бить*, *наехал*, *надета*, *нападение*, *пытка*, *расправа* раскрывают юридическое толкование термина, а именно — способ нанесения физического вреда). Реакции *сказана*, *по телефону* эксплицируют именно словесный способ угрозы. На стыке обеих картин мира находятся реакции: *общество*, *обществу*, *нации*, *товарищу*, *человеку*, — отражающие субъект угрозы. Реакции *война*, *войны*, *болезни*, *молния*, *с запада*, *слева*, *пожары*, *ядерная* репрезентируют неюридические значения *угрозы*.

Особый интерес с точки зрения расхождения наивной и юридической картин мира становится тот факт, что среди реакций на стимул угроза встречаются *шантаж* и *рэкет*, которые находятся в гиперо-гипонимических отношениях с *угрозой* и, казалось бы, существуют и в юридической, и наивной картинах мира. Однако пикантность ситуации заключается в том, что термин *рэкет* вообще не используется в Уголовном кодексе РФ, а по поводу юридикации термина *шантаж* сами юристы делают следующее замечание: «В действующем российском уголовном законодательстве термин „шантаж“ используется в шести случаях: п. „г“ ч. 2 ст. 127.2, ст. 133, ч. 2 ст. 185.5, ч. 1 ст. 302, ст. 304, ч. 2 ст. 309 УК РФ. При этом определение данного понятия в уголовном законе отсутствует, не предлагаются официальные разъяснения данного термина и на уровне Пленума Верховного Суда РФ»⁶.

Итак, сопоставление одноименных фрагментов двух картин мира (наивная и профессиональная) демонстрирует разновекторность концептуализации угрозы. Юридическое представление о данном типе агрессии, безусловно, основывается на некоторых наивных представлениях, существовавших и сохраняющихся в языке (см. клишированные конструкции типа *Ты мне угрожаешь?! или Перестаньте мне угрожать!*). Однако обиходное значение слова и его психолингвистическая струк-

тура (идея А. А. Леонтьева об ассоциативном поле слова как психолингвистическом значении) демонстрирует большее число семантических и прагматических нюансов коммуникативной ситуации угрозы. Более того, в отличие от юридического термина моносеманта, *угроза* в наивной языковой картине мира вполне предсказуемо имеет и иные, переносные значения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. М.: ИНФРА-М, 2007. 858 с.

² *Бринева К. И.* Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М.: Кн. дом ЛИБРОКОМ, 2016. С. 87.

³ *Баранов А. Н.* Семантика угрозы в лингвистической экспертизе текста // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.): В 2 т. Вып. 12 (19). Т. 1. М., 2013. С. 72–82.

⁴ Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2001. С. 1371.

⁵ Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю. Н. Караулов и др. Т. 1. М.: АСТ-Астрель, 2002. С. 678.

⁶ *Ганченко О. И.* Уголовная ответственность за шантаж: теоретические и прикладные аспекты / Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 7. С. 97.

Efremov, V. A.

Herzen State Pedagogical University of Russia

THE “*THREAT*” AS A PART OF THE NAIVE AND JURISTIC PICTURE OF THE WORLD

The article presents essence of the “*threat*” concept in naive and juridical worldviews, according to the data of juridical documents and lexicographic sources. It demonstrates naive apprehension of threat by native speakers and describes naive and professional (juridical) worldviews’ zones of intersection and zones of incongruity.

Keywords: threat; the naive and juristic picture of the world; lexicographical analysis.